

УДК 138.2

В. М. Золотухин

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРАВО НА ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Статья посвящена анализу социокультурной идентичности, связи ее с существованием и реализацией толерантности в обществе. Подчеркивается современное негативное отношение к феномену толерантности в связи с практикой ее применения и в то же время ее актуализации как способа сохранения социокультурной идентичности и достижения согласия в обществе при помощи правовой нормативности.

Ключевые слова: культура, идентичность, нормативность, право, толерантность.

V. M. Zolotukhin

SOCIO-CULTURAL IDENTITY AND THE RIGHT TO TOLERANCE

Human adaptation to the outside world plays an important role in the change of the functional behavior, of the formation of the “new” standards of conduct, which would become virtually the only generator of everyday behavior patterns. Socio-cultural model of objectivization of the “new” becomes a principle of rationalization, where pluralism establishes the image of a subject of culture as “a man playing”, having a high creative potential and a sufficient level of practical tools. Value orientation of the given subject is not only new aspirations, but also self-expression through such behavioural priorities as freedom of choice and the opportunity to legitimately defend their own opinions.

Acting as a counterbalancing mechanism of aggressive reactions, tolerance is opposed to any form of violence, and has a “paradox of tolerance”, when non-compliance is unlimited, turns into its opposite. It is closely linked with the right (the “due”), dates back to the rationalistic tradition and closely connected with the interpretation of the Golden rule of morality by I. Kant. The relationship of tolerance and rights can be traced at the level of finding possible ways to achieve

mutually acceptable compromises. Based on the freedom of thought, tolerance allows a person and society as a whole to preserve their own identity and achieve excellence. Providing “the mutual priority” of all the points of view, it shows a culture of respect for the values of the other as an equal, or at least wants to be so, because tolerance is manifested through dialectical balance “weak” and “strong”. In order to adequately feel internal measure of tolerance and intolerance, a person should be inside the socio-cultural environment, to be able to optimally create favourable forms of socio-cultural communication, ensure the conditions for the manifestation of humanity, mutual respect and trust.

It is emphasized that “the right to tolerance” sets a limit of patience. Its value lies in the implementation of the act of “resistance”. The measure is determined by “tolerance”, established by the man himself, and is opposed to the regime to determine incidence of his personality. As implementation of the “right to indulgence” tolerance becomes duty execution of the accepted norms, aimed to balancing the mutual claims of the subjects in the social processes. Preservation and development of cultural traditions is opposed to the practice of manipulating the boundaries of “permitted”. An important component of the acts responsibility of the individual for his thoughts, deeds and actions, and the “ethics of discourse”, where the control over observance of the interests of self-preservation and interests in shaping the morality under civil agreements.

Keywords: culture, identity, normativity, right, tolerance.

Как целостная система культура базируется на дозволяемых и воспроизводимых обществом (этносом, нацией, государством) нормах и ценностях. Процессы общественного воспроизводства зависят от решаемых гражданским обществом и государственными институтами тех или иных политических, экономических, социальных задач (сохранения государственной идентичности, экономическая стабильность, миграционная политика и т. д.). «Открытость» общества своим собственным изменениям и инновациям означает одновременно и открытость его вовне, иным культурным нормам и принципам.

На современном этапе развития, где все чаще и чаще воспроизводятся кризисные ситуации, инновационные процессы сознательно продуцируются обществом и культурой и предстают как своеобразный «регулятив», некое формообразующее начало социокультурного развития, если не полностью вытесняющее в этом качестве традицию, то, по крайней мере, доминирующее над ней. Процесс воспроизводства «нового» и реализация его правового механизма зависит от носителя социокультурной идентичности. Таким образом, социокультурная модель «нового» социума становится принципом рационализации, где плюрализм утверждает образ субъекта культуры – «человека играющего», обладающего высоким потенциалом самовыражения через такие поведенческие приоритеты, как свобода выбора и возможность легитимным образом отстаивать собственное мнение.

Адаптация человека к окружающему миру играет большую роль в изменении функционального поведения, формирования «новых» стандартов поведения, способных стать практически единственным генератором повседневных (ожидаемых обществом и/или институтами власти) образцов поведения. С одной стороны, это должно стать «барьером на пути всеобщего распада», а с другой – способствовать выработке новых моделей поведения и ценностных ориентаций. Взаимосвязь толерантности и идентичности приобретает доминирующее значение, ибо толерантность проявляет себя через диалектику уравнивания «слабого» и «сильного» посредством «притяжения середины» [2, с. 5]. Идентичность же позволяет субъекту (человеку, нации, государству) осознать самого себя, определять границы сосуществования с «Другими» и удерживать самого себя в этих границах.

Само же отношение к феномену толерантности сегодня является неоднозначным, прежде всего из-за практики его широкого применения (политика европейской мультикультурности и т. д.), когда из-за угроз радикализма и терроризма слышен призыв о том, что «надо менее придерживаться принципа пассивной толерантности последних лет» (Д. Кэмерон). В этом ряду стоит и миграционная политика государств, подразумевающая, что люди, представляющие разные культурные традиции, могут мирно сосуществовать друг с другом, но при этом малоэффективная, по причинам социальной напряженности внутри этих государств. В противовес такому подходу выступает идея беспристрастности в толерантности. Ее важным компонентом является ответственность, ибо мы должны не просто выслушать аргументы, мы обязаны нести ответственность, отвечать за то, как наши действия влияют на других людей [5, с. 275].

Выступая в качестве уравновешивающего механизма агрессивных реакций, толерантность противопоставлена любым формам проявления насилия. Это не просто единство противоположностей, но «единство единства и противоположностей» (Гегель), или «связь связанного и несвязанного». Последнее гарантирует, что в каждой последовательности, возникающей по пути, снова будет воспроизводиться и на каждой ступени производиться жалящая душу сущность диссонанса, различия. Данный процесс направлен на воспроизводство живого в динамическом равновесии и постоянный поиск гармонии.

Связывая толерантность с принципом верификации различных миров, К. Поппер предлагает утилитаристскую формулу – «стремись к наибольшему счастью для возможно большего числа людей» – заменить формулой – «меньше для всех страданий, которых можно избежать». Подобная замена мотивируется признанием права на свободу, равенство и милосердие, ибо первая формула ведет к добровольному подчинению диктатуре. Подобное соотношение дает основание пониманию «парадокса терпимости». Более того – «право на толерантность» связано с рационалистической традицией. Рационализм «связан с представлением о том, что другой человек имеет право быть услышанным и право отстаивать свои доводы» [5, с. 275]. Это еще раз подтверждает основания кантовской философии, а именно трактовку «золотого правила» нравственности.

Наличие у человека самоопределенности и открытости к восприимчивости чужих мировоззренческих конструкций способствует достижению «золотой середины». С точки зрения деятельности, толерантность предполагает наличие свободы выбора относительно своих переживаний и направлена на его персонификацию. Объективная сторона связана с поиском согласованности человека с миром, где есть место неосознанному порыву, но нет вопроса о том, как это происходит, а субъективная – с нетерпимостью (интолерантностью) как проявлением агрессивности, неуравновешенности поведения, и, как следствие, – зависимость от естественных инстинктов, не подвергнутых культурной обработке. Поэтому толерантность включает в себя отрицание истинностной привилегированности любой позиции, в том числе и своей собственной, давая возможность реализовать «взаимный приоритет» всех выдвигаемых точек зрения.

«Право на толерантность» задает предел терпению. Ценность этого права определяется, с одной стороны, помощью человеку «выстоять среди опасностей», а с другой – есть неосознанность и отчаяние, вынуждающие терпеть любые условия, даже если он считает их несправедливыми, но молчаливо их воспринимает. Акт «сопротивления», в том числе оформления требования равенства, позволил А. Камю внести в свой нравственно-философский кодекс «братство с другими в беде и защите от нее» и наметить переход к праву, то есть переход от формулы «нужно было бы, чтобы это существовало» к формуле «я хочу, чтобы было так» [3, с. 69–61]. В «бунте» происходит самосознание человека и определяется мера «толерантности», которая устанавливается самим человеком и противопоставлена режиму, угнетающему его индивидуальность. Данная мера проявляется в «решительном протесте против любого вмешательства, которое воспринимается как просто нестерпимое». Она характеризуется убежденностью бунтаря в своей «доброй воле» и связывается с «правом на толерантность».

Воспроизведение дисциплинарной системы возможно с учетом многообразия мнений как основы самовоспитания и самоопределенности человека. Регулирование со стороны властных структур и саморегулирование социокультурного процесса при нормальном (эволюционном) развитии общественных отношений носят характер взаимоподдержки. Данной взаимосвязи присуща напряженность, выраженная в соблюдении баланса между всеми субъектами, реализующими социальные, экологические, культурные и другие программы в системе отношений обмена. Реализация «права на терпимость» превращается в обязанность выполнения общепринятых норм, направленных на уравновешивание взаимных притязаний субъектов в социальных процессах. Данный процесс происходит в «антропологическом пространстве», где «актуализируется набор существ, имеющих фундаментально различную конституцию личности и идентичности, но при этом совершающих всевозможные и непрестанные взаимопревращения» [11, с. 84].

Сохранение и развитие культурных традиций противопоставляется практике манипулирования границами «дозволенного» знания и веры. Социокультурная модель «нового» ставит на первое место «этику дискурса», где самосохранение, контроль за соблюдением интересов и их учет помогают фор-

мировать мораль в рамках гражданского соглашения. Противопоставление «Я» и «мира» и их нейтральность дают возможность реализации неуправляемого произвола, в том числе в форме репрессивной толерантности. Гражданское мужество («должное») как форма сопротивления заложена в механизм образования, послушно разуму и позволяет человеку выстоять в ситуациях предельной опасности, с одной стороны, наделяет человека знанием и технологией применения мужества, а с другой – позволяет государству определять границы манипулирования сознанием человека в границах взаимоприемлемого компромисса.

Ни сам человек (нация, государство и т. д.), ни его окружение заранее не располагают теми категориями, какие необходимы для осознания своего потенциала инноваций. Гораздо хуже ситуация, когда субъект вынужден признать сделанный им выбор неправильным, поскольку выбранный путь не позволяет ему максимально раскрыть свои таланты. И еще более глубокий кризис идентичности будет результатом его неспособности обнаружить в своей прошлой жизни что-либо воспроизводящее себя. Целостность сознания может быть достигнута лишь в результате контакта и противоборства с миром, причем существует оптимальная мера противостояния (мера допущения чужой свободы).

Сознание не способно вобрать в себя все то, что кажется возможным: оно не реализует подразумеваемую им тотальность. Мир не может не нарушить целостность сознания, ибо переполняет его; чрезвычайное богатство мира разрушает последовательность, необходимую для целостности сознания. Научиться интуитивно постигать оптимальную меру, раскрывать и в то же время контролировать свои таланты чрезвычайно важно для идентификации «я» с самостью. В этом случае даже достижение золотой середины приводит к кризису идентичности, к потере смысла, угасанию «самости» и дальнейшего развития.

Немногие люди могут сохранить свою идентичность в неприкосновенности, если сталкиваются с беспричинным презрением со стороны своего окружения, особенно же тех людей, которых они уважают. Однако завышенные оценки, даваемые им друзьями, также не идут на пользу, поскольку и в этом случае человек понимает, что его образ, сложившийся в глазах других людей, не соответствует реальности. Однако забавно и даже удивительно, как быстро люди привыкают обычно к своему образу в глазах других людей: они верят лести так же искренне, как и раскисаются в своем поведении, осужденном другими без сколько-нибудь убедительных моральных аргументов.

Но не только конфликт между моим представлением о себе и «социальным Я», созданным другими людьми, может породить проблемы идентичности: не менее опасны и противоречивые представления обо мне других людей. Как друг, я могу иметь другие обязанности, чем как гражданин, и неспособность занять промежуточное положение между ними может причинять страдания «я», особенно «я» морального человека, который серьезно относится к своим обязанностям.

Мера ответственности человека должна опираться не только на репрессивность правовых законов, но и на добровольное уважение прав человека. Там, где человек активно отстаивает свои права и признает права «Других», а также относится к ним с пониманием, толерантность имеет глубокие корни. Возможно совпадение ожидания ответа государства с самостоятельным действием.

Человек может обрести стабильную идентичность только в случае, если сумеет преодолеть негативное отношение к «Другим» и/или к «Другому». Этот процесс не может инициироваться теми, от кого он должен освободиться. Такие императивы, как «больше не подчиняйся мне», вызывают у человека противоречивую реакцию: ведь если я подчиняюсь приказу, то я не подчиняюсь, если же не подчиняюсь – то как раз подчиняюсь. Однако кризисы идентичности вызываются не только слишком жесткими моделями взаимоотношений, они могут быть результатом разочарования человека в свойственных ему моделях общения.

Переоценка нормативистских и логико-методологических концепций характеризуется преобладанием релятивизма норм в социальной деятельности и связана с программой антициентистского либерализма. Данный подход мы можем найти в работах таких представителей «философии науки», как: У. Селларс, С. Э. Тулмин, Т. Кун, И. Лакатос, Дж. Агасси и П. Фейрабенд. Его своеобразие заключается в способе подхода к основам развития общества, а «терпимое отношение» получает практическую значимость. Развивая идею свободного общества, П. Фейрабенд подчеркивает: «Свобод-

ным обществом является то, в котором все традиции имеют равные права и равный доступ к центрам власти» [9, с. 470]. Данное определение противопоставлено пониманию общества, в котором равные права основаны на заданности традиций. Позиция П. Фейрабенда основана на том, что эти права «придают смысл жизни тем, кто участвует» в их осуществлении, включая посторонних, для которых они «должны и могут представлять интерес» [9, с. 470]. Равные права должны быть предоставлены и всем духовным традициям, законодательно закрепленным, ибо «во многих странах люди постепенно осознают, что закон дает им большую свободу действий, чем они предполагали; они шаг за шагом завоевывают это пространство, которое до сих пор было занято». Более того, «свободные общества возникнут в результате таких действий», то есть посредством повсеместной признанности закона, а «не благодаря претензионным теоретическим схемам» [9, с. 471].

С течением времени происходит актуализация необходимости регулирования этого процесса в правовом поле. Примером может служить практика принятия законов о свободе совести как в отдельных взятых странах, так и на международном уровне в целом. Истоки этого заключены в духовной природе человека, выражаются в нравственно-правовом характере общественного бытия (С. Л. Франк) и порождают бесчисленные, порой трагические конфликты и недоразумения в человеческой жизни. Возникает потребность в поиске общечеловеческих и/или социокультурных критериев поведения. Данные критерии поведения могут быть выражены как в «конкретном (юридическом) законе», так и «культурной (бытовой) норме». Они обусловлены наличием в глубине человека права свободного выбора «между началом солидарности и началом индивидуальной свободы, между властью, охраняющей интересы целого, и анархическими тенденциями, между силами центростремительными и центробежными» [10, с. 96].

Наличие морального права тесно связано с осуществлением прав человека. Особенно это касается российской практики, где мы можем услышать о самоотречении, об отказе от личных интересов в пользу блага ближних и т. д., но при этом будет нарушаться закон ради каких-то высших интересов. Вместе с тем, отечественная философская традиция говорит о том, что свобода онтологически базируется на единстве «разделенности» и «взаимопроникновения», а толерантность обосновывается как проявление «должного», ибо из «природы общества как органического многоединства, из необходимого сочетания в духовной жизни, лежащей в основе общества, начале солидарности и свободы, следует расчленение общества на отдельных субъектов прав, связанных между собой» [10, с. 142].

Как характеристика «должного» толерантность понимается А. П. Куницыным, подчеркивающим, что человечество должно развиваться и совершенствоваться только благодаря добровольному соглашению и при выполнении следующих условий: взаимность уступок, взаимопомощь и уважение. Базируясь на свободомыслии, она «управляет своими желаниями, не нарушая при этом свободы других людей» [4, с. 235]. Данное право налагает на человека обязанность не противиться вреду, происходящему от законных деяний других; распространяясь на право «свободно объяснять свои мысли другим», способствует достижению человеком совершенства, ибо «каждый имеет случай проверить собственные суждения и убедиться в том, что признает сомнительным» [4, с. 236]. В. Соловьев усиливает это положение и связывает толерантность с реальным осуществлением справедливости, границы которой установлены государством и имеют как субъективное, так и объективное основание. Истина достигается путем столкновения различных точек зрения, «требуя выбора в свою пользу и тем самым волеяневолей подвергая свои притязания исследованию свободной мысли» [8, с. 763].

Сознательное конструирование социальной реальности в рамках «социального конструктивизма» (П. Бергер и Т. Лукман) позволяет выстраивать социальный порядок и функционирование социальных организаций в соответствии с ценностными предпочтениями социального (индивидуального и коллективного) субъекта. Креативность социальных институтов позволяет управлять рисками социального развития при прохождении кризисных ситуаций, в которых субъект выступает в роли актера, активно конструирующего локальную и более отдаленную социокультурную среду, превращая ее в организованный, упорядоченный процесс с определенной структурой отношений, правилами поведения и ответственностью.

Культура, устанавливая пределы определяет «зоны толерантности» (Э. Бош), поведение в которых может казаться «дерзким» или «необычным», но не рассматривается в качестве «девиантного». Обеспечивая специальные ниши для девиантного поведения (личности, которые у европейцев определяются как шизофреничными или истеричными, но которым в других культурах приписывают роли ясновидящих и шаманов), «зоны толерантности» имеют в культуре особое значение для создания «нового», ибо, по мнению Боша, культура предлагает «возможности действия». Она создает те ощущения защищенности и безопасности, легкости ориентации («прозрачности») и предсказуемости, которые мы осознаем лучше всего, когда, например, в качестве эмигранта, лишаемся их. Это «ощущение того, что ты находишься дома», создает почву, на которой развиваются идентификации с «принадлежностью» культуре; но также и сильные стремления «куда-нибудь в другое место» и к «инаковости» [12].

Данный процесс хорошо иллюстрируется на примере поиска «центра» той или иной культуры, своего рода репрезентаций всех главных национальных стихий мира. По мнению В. Россмана, «вся история русской культуры пробегает перед нами калейдоскопом отраженной в самоваре», где «самовар – баланс и средоточие русского мира и русского мифа» [7, с. 50]. Более того, «цивилизационные различия могут восприниматься не как отрицание всеобщности прав человека, а как обогащение практики их реализации. В противном случае защита прав человека грозит превратиться в свою противоположность» [6, с. 41]. То, что для носителя европейской культуры выглядит унижением и неравенством, представитель исламской цивилизации может воспринимать как вполне естественное и даже одобряемое. И, наоборот, нормы, которые для европейца ассоциируются со свободой и правом выбора, мусульманин может считать символом вседозволенности, распущенности, унижения достоинства человека.

Идентичность развивается в процессах долговременной кристаллизации коллективного опыта членов одного сообщества и является интегральной частью социокультурной среды современности, выраженной посредством ценностей, образов поведения и отношений, оказывающих сильное влияние на все сферы общественной жизни. В случае признания индивидом некоторых всеобщих ценностей, остается нерешенной проблема формы участия в их реализации. По мнению В. Виндельбанда, «всякое согласие относительно чего-либо, что люди должны признавать как властвующую над ними норму, предполагает это нормативное сознание» [1, с. 52]. На эмпирическом уровне, сознание и поведение фактически отражают состояние общественных связей и взаимодействий во всем их многообразии, противоречивости, случайности и необходимости. Актуальным является то, что подлинное бытие (в том числе и социокультурной среды) проявляется не в комплексе норм, а в переживании конкретных ситуаций. Адекватно почувствовать внутреннюю меру свободы и несвободы, толерантности и насилия (агрессии) со стороны подчас весьма сложно, хотя для человека, находящегося в данной социокультурной среде, не составляет особого труда. Оптимальное сочетание рациональных и эмоциональных начал позволяет создать благоприятные формы социокультурного общения, обеспечить условия для их сплочения, их гуманность, взаимоуважение, взаимопонимание и доверие.

Формирование толерантного сознания в обществе связано с осмыслением толерантности и ее ценностей, позволяющих расширить качество нормотворческой и правоприменительной деятельности. Декларативность политико-правовых предписаний обусловлена не только причинами экономического свойства, но и социокультурными и мировоззренческими. Поэтому, непробированность и невостребованность толерантности современной практикой в значительной степени предопределяет низкий коэффициент реализации конституционных прав граждан (свобода, равенство, возможность политической реализации). Данная ситуация является следствием бытового и даже профессионального уровня правосознания, формируемого через доминирующее представление о нежизнеспособности конституционных норм в сфере реализации прав человека.

Формируясь на базе социокультурного опыта того или иного национально-государственного образования, толерантность проявляется в различных формах с учетом этого опыта. Культура выступает в качестве аксиологического основания толерантного сознания, а связь с правом прослеживается на уровне нахождения возможных способов достижения взаимоприемлемых компромиссов. На пути по-

иска этих компромиссов существует множество факторов (техничко-экономические, организационно-управленческие, социальнo-психологические и прочие), которые, в зависимости от позитивного или негативного проявления толерантности, способствуют или препятствуют развитию социокультурной идентичности.

Литература

1. Виндельбанд В. Избр.: Дух и история. – М.: Юрист, 1995. – 378 с.
2. См.: Золотухин В. М. Толерантность. – Кемерово: Изд-во Кузбас. гос. техн. ун-та, 2001. – 145 с.
3. Камю А. Бунтующий человек. – М.: Политиздат, 1990. – 465 с.
4. Куницын А. П. Право естественное // Русские просветители: в 2 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 2. – 340 с.
5. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. – М.: Культурная инициатива, 1992. – Т. 2. – 526 с.
6. Поленина С. В. Проблема национально-культурной идентичности в свете взаимодействия правовых систем современности // Государство и право. – 2008. – № 1. – С. 37–43.
7. Россман В. Мистерия центра: Идентичность и организация социального пространства в современных и традиционных обществах // Вопр. философии. – 2008. – № 2. – С. 42–57.
8. Соловьев В. Оправдание добра. Нравственная философия // Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – 892 с.
9. Фейрабенд П. Наука в свободном обществе // Избр. раб. по методологии науки. – М.: Мысль, 1986. – 560 с.
10. Франк С. Л. Духовные основы жизни общества. – М.: Республика, 1992. – 511 с.
11. Хоружий С. С. Конституция личности и идентичности в перспективе опыта древних и современных практик себя // Вопр. философии. – 2007. – № 1. – С. 77–85.
12. Boesch E. E. Symbolic Action Theory and Cultural Psychology. – Berlin; Heidelberg; N. Y.; L.; Paris; Tokyo; Hongkong; Barselona; Budapest: Springel-Verlag, 1991. – P. 36.

Literatura

1. Vindel'band V. Izbr.: Duh i istorija. – M.: Jurist, 1995. – 378 s.
2. Sm.: Zolotuhin V. M. Tolerantnost'. – Kemerovo: Izd-vo Kuzbas. gos. tehn. un-ta, 2001. – 145 s.
3. Kamju A. Buntujushchij chelovek. – M.: Politizdat, 1990. – 465 s.
4. Kunicyn A. P. Pravo estestvennoe // Russkie prosvetiteli: v 2 t. – M.: Mysl', 1966. – T. 2. – 340 s.
5. Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi: v 2 t. – M.: Kul'turnaja iniciativa, 1992. – T. 2. – 526 s.
6. Polenina S. V. Problema nacional'no-kul'turnoj identichnosti v svete vzaimodejstvija pravovyh sistem sovremennosti // Gosudarstvo i pravo. – 2008. – № 1. – S. 37–43.
7. Rossman V. Misterija centra: Identichnost' i organizacija social'nogo prostranstva v sovremennyh i tradicionnyh obshchestvah // Vopr. filosofii. – 2008. – № 2. – S. 42–57.
8. Solov'ev V. Opravdanie dobra. Nravstvennaja filosofija // Soch.: v 2 t. – M.: Mysl', 1990. – T. 1. – 892 s.
9. Fejrabend P. Nauka v svobodnom obshchestve // Izbr. rab. po metodologii nauki. – M.: Mysl'. – 1986. – 560 s.
10. Frank S. L. Duhovnye osnovy zhizni obshchestva. – M.: Respublika, 1992. – 511 s.
11. Horuzhij S. S. Konstitucija lichnosti i identichnosti v perspektive opyta drevnih i sovremennyh praktik sebja // Vopr. filosofii. – 2007. – № 1. – S. 77–85.
12. Boesch E. E. Symbolic Action Theory and Cultural Psychology. – Berlin; Heidelberg; N. Y.; L.; Paris; Tokyo; Hongkong; Barselona; Budapest: Springel-Verlag, 1991. – R. 36.